

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-117-126

РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ИРАНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

© Ринат Бекметов, Казем Нежад Дахкаи Седиге

LEO TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA" IN INTERPRETATIONS OF IRANIAN LITERARY CRITICS

Rinat Bekmetov, Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh

The eastern reception of Leo Tolstoy's oeuvre remains in the list of topical issues. It primarily refers to the Persian perception of the Russian writer's literary and philosophical heritage because Iran, unlike other Asian countries, has been a closed country for a long time. In the pre-Soviet period (during the lifetime of the author of "War and Peace"), there was no information about the state of Tolstoy Studies in Iran, except for the Russian newspaper and magazine chronicles, which reflected the facts of the general Persian cultural reception of Leo Tolstoy. The situation did not improve during the Soviet period. It is enough to point out that despite the efforts of Iranian philologists, a complete bibliography of Persian translations of Leo Tolstoy's works was not compiled, and in the works, presenting a general idea of the problem, information on the topic "Tolstoy in Iran" was taken from second-hand sources, without proper verification. In Iran itself, objective factors, related to the unsystematic nature of the source base about Leo Tolstoy, had an impact. The post-Soviet period has not observed Russian Tolstoy scholars' sustained interest in the problem of the Persian image of Leo Tolstoy. At the same time, Iranian researchers prefer to consider the mechanisms of perceiving Russian literature as a single text, without its special and detailed disclosure based on the example of Leo Tolstoy.

The purpose of this article is to provide an overview of literary viewpoints on Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" in Iran. It should be emphasized that this review does not claim to be complete: the chronological series, without which it is impossible to describe the receptive dynamics in the spectrum of assessments and interpretations, is far from being complete; the problem of the first references of Iranian literary criticism and literary studies to the novel (apparently, the 1920s) has remained unsolved. The task of the article is more modest: to a certain extent to fill in the gap of understanding how the famous novel was interpreted in Iran.

Keywords: Leo Tolstoy, Russian literary classics, novel "Anna Karenina", Iranian philology, text, interpretation

Вопрос о восточной рецепции творчества Л. Н. Толстого продолжает оставаться в числе актуальных. Не будет ошибкой сказать, что в первую очередь он относится к персидскому восприятию литературно-философского наследия русского писателя, ибо Иран, в отличие от других стран Азии, долгое время был закрытой страной. В досоветский (прижизненный для автора «Войны и мира») период о состоянии толстоведческих штудий в Иране информации не было, если не брать во внимание русскую газетно-журнальную хронику, в которой отражались факты персидской общекультурной рецепции Л. Н. Толстого. В советский период ситуация не улучшилась. Достаточно указать на то, что полная библиография персидских переводов сочинений Л. Н. Толстого, несмотря на усилия отечественных филологов-иранистов, не была составлена, а в трудах обобщающего плана сведения по теме «Толстой в Иране» зачастую черпались из вторых рук, без надлежащей проверки. На это накладывались факторы объективного порядка, связанные с бессистемностью источниковедческой базы о Л. Н. Толстом в самом Иране. В постсоветский (современный) период устойчивого интереса российских толстоведов к проблеме персидского образа Л. Н. Толстого не наблюдается, в то же время иранские исследователи предпочитают рассматривать механизмы рецепции русской литературы как единого текста, без специального и подробного их раскрытия на примере Л. Н. Толстого.

Цель настоящей статьи – представить обзор литературоведческих точек зрения на роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в Иране. Следует подчеркнуть, что обзор этот не претендует на завершенность: хронологический ряд, без которого невозможно описать рецептивную динамику в спектре оценок и интерпретаций, в нем далек от полноты; остается открытой проблема первых об-

ращений иранской критики и литературоведения к роману (по-видимому, 1920-е годы). Цель статьи – скромнее: до некоторой степени заполнить лауну понимания того, как трактовали знаменитый роман в Иране.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, русская литературная классика, роман «Анна Каренина», иранская филология, текст, интерпретация

Для цитирования: Бекметов Р.Ф., Казем Нежад Дахкаи Седиге. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в интерпретациях иранских литературоведов // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 117–126. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-117-126

Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» был объектом особого внимания иранских филологов. О коренных, существенных причинах этого интереса мы уже писали в одной из своих статей, она была посвящена проблеме переводческой рецепции толстовского эпического памятника в Иране [1]. В общем плане можно сказать, что внимание это (между прочим, достаточно пристальное и глубокое) определялось брачно-семейными отношениями, подробно описанными в тексте толстовского романа, а также весьма «неоднозначным» положением женщины в патриархальном обществе. Здесь мы приведем краткий обзор литературно-критических и литературоведческих размышлений иранских исследователей о сочинении Толстого, постараясь изложить сумму их воззрений в хронологическом порядке. Подчеркнем сразу, что мы не ставим себе целью передать и охарактеризовать высказывания иранских филологов о произведении полностью, от самых первых («импрессионистических», «этиюдных») оценок до последних по времени интерпретаций, поскольку острейший вопрос о систематизации иранского материала до сих пор остается открытым; в число решенных его отнести никак нельзя. С некоторым сожалением приходится констатировать то обстоятельство, что собранные нами сведения о восприятии романа в иранской читательской среде носят далеко не абсолютный характер и что, следовательно, необходимо приложить усилия, чтобы информация об этапах рецепции, содержательных аспектах трактовки великого текста, основных стратегиях его изучения в Иране приобрела более корректный, то есть не фрагментированный, мозаичный, разрозненный, как в итоге, увы, получилось у нас (будем откровенны), а завершённый, научно выверенный и цельный вид.

Начать с того, что в 1961 году иранский критик и публицист, доцент филологического факультета Тегеранского университета Ахи Мехри в юбилейной речи о жизни и творчестве Толстого назвал героев «Анны Карениной» (как, впрочем, и других произведений писателя) «лучшими персонажами мировой литературы по силе мысли, нравственности, изяществу, характеру, чис-

тоте и порядочности» [2, с. 36]¹. Мехри объяснял, что Толстой в своем творчестве активно использует метод психологического реализма с уточнением, в соответствии с которым писателю удастся столь достоверно передать чужие мысли и чувства потому, что у него самого имеется внутренняя самобытная напряженная духовная жизнь, собственный опыт потаенных переживаний: «Совершенно ясно, что показать эти движения... людей может лишь тот, кто... владеет теорией <психологического изучения характеров. – Р. Б., К. Н. Д. С.> и постоянно анализирует свои эмоции и мысли» [Там же, с. 37]. В полной мере этот метод дает о себе знать в «Анне Карениной», заявил иранский автор, однако детального и аргументированного раскрытия того, как подход реализуется непосредственно, в конкретной ткани художественного произведения, нет: Мехри ограничивается хрестоматийной констатацией психологического аспекта литературного письма Толстого, не углубляясь в частности и не демонстрируя на примерах «механизм работы» этой необычной модели толстовского психологизма.

Отметим, что речь Мехри о Толстом, произнесенная 29 декабря 1960 года на мемориальной ассамблее в центре культурного сотрудничества Ирана и Советского Союза, интересна той позицией, которую иранский исследователь занимает, разъясняя место писателя в мировой литературе. Для Мехри Толстой не столько «зеркало времени», отражающее философские, художественные, политические, социальные и культурные идеи, сколько активный «участник вопросов и конфликтов» эпохи. По этой причине за Толстым твердо закрепилась репутация философа-моралиста, проповедника, что, по мнению Мехри, не является точным. Толстой – прежде всего крупный писатель, художник, человек образного и выразительного слова. Эту грань русского гения, утверждает Мехри, нельзя недооценивать, несмотря на множество «внешних» определений

¹ Здесь и далее: буквальный перевод с фарси – Казем Нежад Дахкаи Седиге, обработка цитат из трудов иранских исследователей в соответствии с правилами русской грамматики – Р. Ф. Бекметова.

Толстого позднего периода, фиксирующих его морализаторскую, духовно-этическую, социально-философскую составляющую, или те представления, которые Толстой развивал о себе самом, отказываясь придавать существенное значение эстетическому элементу творчества, даже в определенном смысле стыдясь и презирая его при пересмотре, осмыслении своей жизни до кризиса (вспомним хотя бы, что главным творческим трудом более чем 50-летней деятельности на литературном поприще Толстой называл дневник: не «Детство», «Войну и мир» или «Воскресение», как можно было бы ожидать, – плоды авторской фантазии, художественного видения мира, а почти каждодневный психологический самоотчет, постоянную рефлексивную связь с опытом существования в паутине бесконечных человеческих взаимосвязей; настойчивая обращенность Толстого к себе лишней раз доказывает точность экзистенциальной формулы М. К. Мамардашвили, согласно которой «жизнь <человека. – Р. Б., К. Н. Д. С.> есть усилие во времени» [3, с. 13]; имея в виду дневниковые записи Толстого, его сосредоточенность на процессе самоанализа, ср. слегка перефразированную нами мысль В. Н. Муравьева, русского философа середины XIX – начала XX века, чье имя не входит в когорту широко известных: «Истина каждого человека создается в минуты его одинокого раздумья, и в этой истине – его единственный мир, и в этом мире – его единственная истина» [4, с. 35]). Толстой, настаивает Мехри, «был великим писателем, а не философом». И далее:

«Я много раз слышал от серьезных и начитанных людей, что Толстой считается лицом, более важным в качестве философа, выразившего сложные религиозные и общественно значимые идеи, нежели в качестве неординарного писателя. Однако это утверждение несправедливо в отношении творческой мощи Толстого... Литературные произведения Толстого, вне всякого сомнения, много превосходят его философские и религиозные сочинения» [2, с. 39].

О том, почему взгляд Мехри является не совсем обычным (и, соответственно, почему его необходимо выделить при рассмотрении имеющихся трактовок «Анны Карениной» в Иране), мы можем судить по тому факту, что среди иранцев долго существовало (пред)убеждение, по которому Толстой – в первую очередь проповедник, учитель жизни, мудрец. Более того, образ Толстого в Иране («персидский образ Толстого») исходно формировался сквозь призму морально-нравственного, окрашенного этиче-

скими воззрениями начала². Оно признается Мехри, не отвергается: толстовские, пишет он,

² Чтобы понять специфику образа Толстого в Иране, его длительную зависимость не от литературного творчества писателя, а от духовно-религиозных компонентов толстовского творчества, стоило бы обратить внимание на следующий показательный пример, взятый из персидской живописи. В 1950-е годы иранский художник Али Керими создает удивительную миниатюру с образом Толстого (сейчас она хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве; ее черно-белая репродукция включена как иллюстративное приложение в книгу «Толстой и зарубежный мир», 75 том серии «Литературное наследство» [5, с. 543], см.: [6, с. 334]). Публикаторы не прокомментировали этот шедевр персидской живописи. Но следовало бы пояснить, что он как форма рецепции Толстого средствами изобразительного искусства содержится в не меньшей степени, чем, допустим, толстоведческая статья на фарси. Облик писателя дан здесь в лучших традициях иранской художественной миниатюры. Он аккуратно обрамлен, так что широкая рамка украшена пышным цветочно-ковровым орнаментом; толстовские черты имеют ясно просматриваемую восточную фигуративность. Можно подумать, что это не русский, «северный» для Ирана писатель, а самый что ни на есть настоящий персидский мыслитель, восточный пророк! «Ориентализуясь», «обыриваясь», «персизуясь», «одомашниваясь» в новых для себя условиях, его образ тем самым как бы встраивается в плеяду легендарных личностей иранской культурной истории; Толстой в миниатюре становится органичным продолжением иранского взгляда на мир с его мистицизмом, впечатлительностью, иногда доходящей до спонтанной экзальтации, уважением к прошлому, почитанием умудренного жизненным старчества (его неизменный атрибут – чистая белоснежная борода). По сути, перед нами – суфийский отшельник, персидский святой, отношение к которому в народе было не просто добрым и радушным, а чутко благоговейным, нежно-трепетным. Цветная репродукция, пожалуй, могла бы это ощущение передать глубже черно-белой. У нас нет достоверных сведений об Али Керими (кто он, в каком месте Ирана жил, у кого учился ремеслу миниатюриста); в книге, помимо имени художника и его репродукции на целую страницу, иной информации нет, а манера и стиль живописания дает возможность назвать школу станковой персидской изобразительности, к которой художник принадлежал (мы предполагаем, что это тебризская школа, ведущая свое начало с эпохи Сеффидов, см.: [7]). В конечном счете осмысление проблемы восприятия Толстого в персидской живописи, в том числе книжно-печатной, если иметь в виду, как оформлялись издания переводов толстовских произведений (в графических рисунках, цветных макетах, см. репродукцию рисунка неизвестного иранского художника на суперобложке персидского перевода «Анны Карениной» 1954 года [8, с. 33], см.: [6, с.

«мысли о религии, его социально-религиозные убеждения <...>, широко распространившиеся в Азии, особенно в Китае и Индии, на самом деле представляют собой пропаганду добра и братства, любви и праведности <...>, а также ненасильственного сопротивления мирскому угнетению и злу» [2, с. 40]. Вместе с тем, будучи человеком восточного происхождения, он указывает на то, что Толстой в этом пункте совсем не оригинален, что «все это было давно сказано другими» – мыслителями, жившими до Толстого, много размышлявшими над тем, о чем думал Толстой, и видевшими сущность процессов общественной жизни не хуже него [Там же]. Однако это не должно заслонять собственно писательской стороны творчества Толстого; сторона эта первична, исходна, изначальна; Толстой – художник по определению и, значит, психолог, который обладал редким талантом перевоплощения, вживания, вчувствования в сознание тех людей, которых он изображал с поразительной достоверностью и умелой тщательностью. Не последнюю роль в таких описаниях играл язык Толстого, отточенный, выверенный, не лишенный простоты, благодаря которой произведение писателя оказывалось доступным для понимания. «Толстой, – заключает Мехри, – рассматривал искусство как средство передачи чувств и мыслей художника. Он полагал, что всякое чувство – и положительное, и отрицательное – ценнейшие объекты писательской рефлексии, они достойны того, чтобы говорить о них, при этом художник должен передавать содержание чужих мыслей и чувств так, чтобы они вызвали ответную реакцию тех, кто знакомится с ними, открывает их для себя... Здоровое искусство <по Толстому. – Р. Б., К. Н. Д. С.> характеризуется лаконизмом, стилевой простотой в почерке, а это возможно лишь в ситуации правильного, щепетильного отбора слов и предложений» [Там же, с. 42]. И далее: Толстой утверждал, что «по-настоящему одаренный писатель обязан знать и чувствовать не только то, что чувствуют и знают другие, но также и то, о чем эти другие не ведают и не ощущают» [Там же, с. 43]. У нас нет оснований утверждать, что Мехри была знакома концепция М. М. Бахтина о монологическом мышлении Толстого, резко противопоставленного диалогическому сознанию Достоевского. Тем не менее приведенная цитата о «властном всеведении» автора и «зависимом» от него положении героев отражает бахтинский

352]), составляет увлекательную задачу ирано-русского толстоведения сегодня.

взгляд на систему литературной речи Толстого, стратегию его письма³.

В статье Махдияна Мохаммада Хасана «Положительные герои в произведениях Льва Толстого», опубликованной в 1991 году в журнале «Мир литературы», на основе внимательного разбора советской толстоведческой литературы изложены идеи, связанные с положительными образами в романе «Анна Каренина» [10].

Автор вслед за М.Б. Храпченко пишет о том, что, хотя произведение это и было названо Толстым по имени женской героини, в тексте все же обнаруживаются две, а не одна сюжетно-фабульные линии: 1) Анны Карениной и 2) Константина Левина. Эти линии, с одной стороны, противоположны друг другу, с другой – едины, являясь типологическими выразителями толстовских суждений о «человеке пути». И Левин, и Анна находятся в поисках сокровенного смысла жизни. Если Левин (авторское «я») ищет счастья для всех людей без исключения, всего человечества, то Анна обнаруживает его в «чувственном счастье», в «удовлетворении личных <эгоистических, «животных». – Р. Б., К. Н. Д. С.> желаний», и потому скоро становится «жертвой страшного обмана». Двух героев объединяет неприятие аристократических норм, социальных правил, они всячески их нарушают, причем нарушение «кодекса» привычных связей происходит различными способами, в эволюции от индивидуальных представлений к общим, «правильным», касающимся «всех и каждого» (Левин), от обобщенных к самовлюбленным, «неправильным», приносящим муку, страдание и заводящим в тупик безнадежности (Анна Каренина). В образе Левина Толстой воплощает личные (выстраданные, многократно обдуманые) взгляды, описывает события своей жизни и судьбы. Но Левина нельзя отождествлять с самим писателем: Толстой, разумеется, далеко ушел от вымышленного романного героя в поисках духовно-нравственного идеала.

Левин, по Хасану, превосходит многих современников. Так, он не боится отвергать те проявления жизни, которые относятся к числу тра-

³ Ср.: «Диалогическая позиция по отношению к героям чужда Толстому. Свою точку зрения на героя он не доводит, да и принципиально не может довести до сознания героя, и герой не может на нее ответить... Сознание и слово автора, Л. Толстого, нигде не обращено к герою, не спрашивает его и не ждет от него ответа. Автор не спорит со своим героем и не соглашается с ним. Он говорит не с ним, а о нем. Последнее слово принадлежит автору, и оно, основанное на том, чего герой не видит и не понимает, что внеположено его сознанию, никогда не может встретиться со словом героя в одной диалогической плоскости» [9, с. 120–121].

диционных, консервативных. Левин – человек, чуждый роскоши, которая принята в придворной (аристократической) среде. Он хочет жить так, чтобы своим существованием не обременять окружающих. Его единственная потребность, мечта – создать независимый мир. Эти мотивы глубоко отделенного от общества, замкнутого в себе мирного уютного семейного счастья, оторванного от потоков большой истории «райского уголка» с его неспешным темпом жизни, внешним благополучием и внутренним ладом (гармонией) встречались в предыдущий период толстовского творчества, до прямого обращения к брачно-семейной проблематике и написания «Анны Карениной». Хасан ссылается на незаконченный роман писателя «Семейное счастье», обращая внимание на то, что в «Анне Карениной» «мысль семейная» не просто выдвигается на первый план – она оформляется на качественно новом уровне философско-эстетического осмысления.

Хасан, далее, приводит развернутую характеристику Левина. Левин, подобно Толстому, предпочитая городу деревню и интересуясь сельским хозяйством, старается трудиться «по-крестьянски». Он застенчив, честен – не только с другими, но и с самим собой. Он прост в общении, не горделив и не заносчив. Он стремится избегать конфликтов, а если все-таки спор среди крестьян возникает, то Левин пытается его урегулировать. Его постоянная неотлагаемая забота – поиск истины. Левин способен вести сложные интеллектуальные беседы. Его нельзя определять как сторонника патриархальной жизни: Левин выдвигает на первый план отношений лишь чистоту нравственного побуждения. Он не крайний, заскорузлый, косный консерватор, подчеркивает Хасан, ведь он не ограничивает роль и место женщины в обществе ее участием в семейной жизни (рождением детей, их кормлением, воспитанием, хозяйственной деятельностью). Он полагает, что женщина может иметь образование, занимать то или иное социально значимое положение; отсутствие каких-либо интересов и бездуховность Кити, жены, его сильно удручает. Тем не менее он любит ее, утверждая, что первая и главная забота женщины – стать доброй и порядочной матерью многочисленного семейства. И хотя Кити не понимает устремлений своего мужа, это его не расстраивает, он уверен в том, что «семья – мир, создаваемый и охраняемый женщинами» [Там же, с. 52]. Левин и Кити являют собой пример подлинно семейных отношений; общаясь, они обнажают лучшее, что есть в их натурах, и происходит это потому, что Левин презирает лицемерие, обман, он не идет на компромисс с совестью. Прав Хасан в том, что через

живые семейные вопросы Толстой в романе оценивает своих героев, «окутывая» их ореолом положительности (приязни, привлекательности, выгодного отличия от других), – примерно так, как И. С. Тургенев испытывал персонажей собственных произведений любовью и смертью.

Развитая духовно-душевная жизнь, ее тонкая «нервная» организация помогает Левину оценить Анну, увидеть в ней те замечательные черты и свойства, которые остаются для многих героев романа не раскрытыми, не до конца проясненными. Он замечает в Анне ум, красоту, изящество, и – самое главное – он обнаруживает в ней скрытую, потаенную тягу к любви в широком смысле этого слова: Анна любит искусство (музыку и живопись), любит детей (любой ребенок, даже самый психологически закрытый, «интроверт», как бы мы сказали сейчас, интуитивно тянется к ней, потому что ощущает наличие в этой женщине чего-то необъяснимого, но непременно доброго, благожелательного), любит природу; кроме того, Анне хочется быть любимой.

В счастливо-радостный период жизни Левин озадачивается вопросами, каждый из которых – гордиев узел, целая неразрешимая проблема. Левин желал бы знать, кто он как человек, зачем, для чего живет на земле, в чем заключается его высшее, творческое предназначение. Без четкого, глубинного осознания того, кто он, жизнь кажется ему бессмысленной. Состояние неопределенности в фундаментальной проблеме человеческого бытия подводит его к самоубийству, и парадоксально то, что к необходимости лишения себя жизни Левин подходит в момент семейной слаженности, когда, казалось бы, ничто не может омрачить его, в ситуации житейского довольства и душевного покоя. Левин, в объяснениях Хасана, пробует найти «среднее арифметическое» между семейным форматом жизни и духовными потребностями. Все его социальные начинания осуществляются в нравственном контексте. Текущую жизнь он обдумывает сквозь призму вечных, нетленных ценностей. В то же время стоический подход к жизни спасает его, в отличие от Анны, от самоубийства. Терпеливую мудрость эту он, как губка, впитывает от крестьян, которые живут, помня о Боге и не размышляя о Нем так всесторонне, как это делал бы образованный дворянин, – помня Его сердцем, без лишних слов и сухих рациональных построений.

Хасан вполне обоснованно указывает на то, что поэтика Толстого предполагает изображение героев с разных сторон. Толстой описывает человека и «синхронно», то есть в настоящий момент времени, используя принципы пластики, через жест, мимику и позу, и «диахронно», то

есть отмечая психические изменения в герое, которые происходят во времени, протяженно и раскрывают его внутренний, всегда противоречивый, диалектический рост.

Любимые герои Толстого, согласно Хасану, развиваются на протяжении всей сознательной жизни; для них это абсолютно «безостановочный», непрерываемый естественный процесс, знак «путевой» доминанты характеров. Изменения на этом пути часто приводят их к кризисам. Причины и мотивы кризисов не одинаковы, но одинаково их протекание, осуществление.

Вот как в нескольких легких штрихах на двух ярких примерах Хасан демонстрирует динамику суждений о человеке, когда он у Толстого попадает в поле пересеченных общественных связей. Первая иллюстрация. Левин в глазах семьи не занимает никакого социального места и положения. Для Кити он горячо любимый супруг. Одновременно с точки зрения светских реалий Левин – собственник, владелец поместья, в котором он занимается аграрным трудом и охотой. Он не богат, у него нет больших земельных наделов, его материальный капитал невелик и потому логично, что в обществе его воспринимают в качестве «чужаковатого бедняка». Вторая иллюстрация. Левин полагает себя некрасивым, хотя и добросердечным человеком; таких некрасивых женщины не любят, и для него стало чудесным открытием то обстоятельство, что Кити его полюбила и вышла замуж. По Хасану, внутренние и внешние оценки человека в толстовском романе коррелируют, переплетаются.

«Раскрывая внутренние качества человека, Толстой редко описывает его непосредственно, он изображает человека через его действия по отношению к другим людям» [Там же, с. 53]. Средством воплощения «диалектики души» служит «разговор» героя с самим собой – внутренний монолог.

Ключевую роль в раскрытии внутреннего мира человека играет природа. Здоровые люди в толстовской художественной системе не конфликтуют с природой, они вписываются в нее, чувствуют себя ее продолжением. Напротив, «от природы отстранены многие представители „привилегированного класса“, они лишены ценных человеческих качеств <простоты, скромного обаяния, добродушия, сердечности. – Р. Б., К. Н. Д. С.>» [Там же]. Левин неслучайно ближе к природе, нежели остальные толстовские герои. В описании Алексея Александровича Каренина (мужа Анны) природа не фигурирует вообще: герой целиком погружен в государственную работу, его окружение – не обычные люди, а чиновники-бюрократы. В сходных формулировках о

важности природы для Толстого писал и А. Мехри: «Толстой уникален в описаниях природы. Природа, пышная и величественная, всегда является подлинной и одушевленной спутницей его персонажей. Сочинения Толстого – блестящий продукт его гения. Усилия и настойчивость Толстого важны при воссоздании им художественной действительности» [2, с. 38].

Толстовский герой в итоге не удовлетворяется минимумом в исполнении духовных желаний. Он стремится к максимальному, предельному, невозможному, пытается взрастить в себе самые высокие человеческие качества. Положительные герои Толстого осознают, что их образ жизни далек от правильно-идеальной полноты – они стремятся сделать жизнь такой, чтобы о ней можно было сказать, что она правдива и справедлива.

Статья Хасана в деталях раскрывает перед иранским читателем образный строй «Анны Карениной». Открытие это одностороннее: много страниц тут отводится образу Левина, образ же Анны Карениной явно затушеван. Это вызвано тем фактом, что однозначно положительной, как полагает Хасан, Анну Толстой не считал.

В дополнение уместно привести выводы о том, кого в версии Хасана следует отнести к числу положительных (что такое «положительный герой», какими чертами он наделяется и т.д.). Эти выводы обобщены автором статьи в виде 10 пунктов.

1. Герои Толстого – новое явление в культурной истории XIX столетия.

2. Любимые толстовские герои отделены от общественной среды; вместе с тем «лишними людьми» их называть нельзя.

3. Толстовские герои не только размышляют и чувствуют – они претворяют обдуманное в действиях.

4. Жизнь в ее разных проявлениях дает понять герою Толстого, что простые люди выше тех, кто по праву рождения принадлежит к словию «привилегированных».

5. Любимые персонажи Толстого наследуют авторское видение мира, выражают его мысли и эмоционально-чувственные состояния.

6. В каждом произведении Толстого человек рассматривается с психологической точки зрения.

7. Излюбленные герои Толстого опираются на опыт предшественников, они ощущают связь с прошлым.

8. Свои представления о жизни Толстой доносит до читателя через систему положительных героев; это своеобразный канал выражения авторской идеологической позиции.

9. Природа у Толстого дана не сама по себе, в отстраненной объективации; она – показатель духовного богатства человека и в этом смысле антропологична. Понимание или непонимание природы героем свидетельствуют либо о его чистоте и честности, либо о нравственной испорченности, искалеченности.

10. Простые люди с их наивно-искренней душевной жизнью нередко оценивают толстовского героя в позитивном ключе.

Статья С. Амина «„Моя ежедневная порция писем“: о том, как Толстой распределял свое время и как он писал», напечатанная в 1993 году в журнале «Литература и языки», содержит – со ссылкой на известные факты – описание процесса работы Толстого над текстом своих творений [11].

Чрезвычайно интересен «зачин» этой статьи, в котором раскрываются некоторые писательские предпочтения в выборе времени суток для активной работы:

«Каждый писатель имеет собственные привычки. Кто-то пишет в полдень, кто-то ночью. Руссо считал, что самые прекрасные мысли приходят человеку в ночные часы. <По его мнению>, книги, написанные ночью, совершенно не похожи на книги, созданные авторской фантазией в дневное время суток. Самые красивые и лучшие книги – книги, написанные в ночной час, после заката солнца. Однако Толстой, великий русский писатель, не входит в когорту таких писателей. В молодые годы он писал на рассвете, даже свои ежедневные заметки он оформлял ранним утром. Его спрашивали, писал ли он когда-нибудь ночью. Толстой отвечал, что по вечерам он готовит только план будущего сочинения, признаваясь, что пишет обыкновенно днем. Один писатель надевает дорогой и модный костюм прежде чем сесть за письменный стол, другой сначала приводит в порядок стол и лишь потом начинает писать. Толстой никогда не следовал готовым правилам» [Там же, с. 70].

Амин уточняет и отдельные моменты толстовской текстологии: черновые правки, трудный для распознавания почерк писателя, его выбор бумаги для писания:

«Подобно Пушкину, Толстой предпочитал писать на клочках бумаги. Когда он писал в тетради, то начинал либо с начала тетради, либо с конца... До 35 лет Толстой писал беспорядочно и нерегулярно и долго не мог отказаться от этой привычки. Многие его черновики, к сожалению, не сохранились, а те, что имеются, сложны для прочтения. Толстой обычно работал над несколькими произведениями одновременно. Конечно, ему требовались годы, чтобы писать каждую литературную вещь. Например, на создание повести „Казачи“ ушло более 15 лет. Его рукописи очень путаны. Многие страницы лишены нумерации.

Лишь сам автор мог бы расшифровать такие „неправильные“ записи... каллиграфия Толстого была своеобразной, нелегкой для прочтения, он неустанно исправлял тексты своих сочинений» [Там же, с. 71].

В статье Амина о писательской технике Толстого мы находим одно ценное указание на то, как Толстой создавал портретные образы в «Анне Карениной»; способ фигуративного, пластического конструирования художественно-образной системы не мог не заинтересовать профессиональных иранских читателей. Толстой, по Амину, кропотливо работал над рукописями, не жалея иногда уже совершенно законченных сцен или эпизодов: от них он мог отказаться, несмотря на потраченное время и бесконечные усилия. Толстой, как правило, в начале, когда мысль еще складывалась в его сознании, не скупился на «яркие и светлые краски», чтобы образ оказался заметной семантической единицей текста. Однако затем в процессе переработки писатель отказывался от многих черт образа и даже мог огромный по объему фрагмент свести к двум-трем лапидарным предложениям. «Например, в первоначальном варианте рукописи „Анны Карениной“ героиня была совсем другой <в сравнении с тем, что получилось в каноническом виде. – Р. Б., К. Н. Д. С.>: с коротким лбом, маленькими глазками и относительно тучным телосложением. Несомненно, автор намеревался изобразить внутренний мир Анны Карениной, а не ее внешность, но в окончательной редакции романа эти две черты <были> сведены воедино» [Там же, с. 70].

Толстого в Иране изучают в контексте понятия о реализме, что естественно. Этому вопросу посвящена статья Форкани Афшин «Что такое реализм?», опубликованная в журнале «Кино-критика» за 1998 год [12].

Автор систематизирует теоретико-литературный материал в аспектах противопоставления «реализма» «идеализму», понимая под «реализмом» такую стратегию творчества, которая нацелена на типическое отображение лиц и событий в художественном произведении. Помимо типического в качестве важной доминантной черты реалистической литературы Афшин выделяет ее ориентированность на социальные вопросы времени. Толстой в этой модели воспринимается не столько как русский, сколько как европейский писатель, последователь школы Стендаля и Бальзака. Бальзак считал, что «состоятельные люди создавали суды и гильотины для защиты своего богатства, напомилавшее свечу, в котором сгорал невежественный народ <используя метафору свечи, автор говорит о том, что мате-

риальный капитал богатых обеспечивался трудом бедных и бесправных, „невежественных“ в иранской терминологии, то есть наиболее уязвимой с социальной точки зрения группой людей. – Р. Б., К. Н. Д. С.>. В то же время он повсюду высмеивал придворные нравы и с каким-то сочувствующим, но критическим взглядом описывал состояние аристократического общества» [Там же, с. 90]. Толстой, в интерпретации Афшин, «по-русски» усилил эту стратегию, довел ее до логического предела и эстетического совершенства:

«<...> распространил общественно-политическую борьбу на психологию героев и одновременно своими эпическими идеями поднял необходимость социальных перемен в кругу высшей власти. Нигде у Толстого – ни в его великих романах, ни в его рассказах – само событие не является основой для развития общей канвы повествования... Бальзак и Диккенс, например, изображали события со стороны их воздействия на внутренний мир личности. У Толстого же события служат утверждению сути рассказа, его главной идеи, и раскрытию внутреннего мира персонажей» [Там же, с. 92].

Афшин дает трактовку первого предложения из «Анны Карениной» с позиции, которую мы с достаточным основанием называем сейчас «вульгарно-социологической». Неясно, правда, в какой мере они характерны для иранской гуманитаристики; возникновение этой позиции, по видимому, продиктовано внешним влиянием, попыткой механически перенести на иранскую философско-филологическую почву идей, заимствованных извне. Автор исходит из того, что реализм как литературное направление, обращаясь к широкой читательской публике, выражает комплекс убеждений с социально-политическим «привкусом». Его появление закономерно, поскольку реализм, по мнению Афшин, затрагивая вопросы социального неравенства, приходит к необходимости художественно-философского изучения политической борьбы, ведущейся в обществе, противостояния богатых и бедных, аристократов и крестьян. Мысль о том, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», имеет и ту сторону, что счастье обеспечивается деньгами, а несчастье предполагает их отсутствие, нужду и что, показывая «счастливых» и «несчастливых», Толстой акцентирует внимание на тлеющем в общественном сознании конфликте тех, кто обладает всем, и тех, кому необходимо самое малое, чтобы жить достойно [Там же, с. 90]. Роман Толстого, безусловно, не об этом, однако нам приходится констатировать, что и такое

прочтение классического текста в Иране бытовало...

В коллективной статье современных иранских филологов о мусульманском контексте осмысления рассказа Толстого «Крестник» содержится информация об «Анне Карениной» в связи с одинаковым эпитафием к этим двум сочинениям Толстого [13]. Авторы повторяют прекрасно знакомую толстоведом мысль, согласно которой начало 1880-х годов было ознаменовано духовным кризисом писателя и началом формирования нового нравственно-этического учения. Все последующие после кризиса и переворота творения Толстого, в том числе «Анна Каренина», несли на себе печать этого просветленного взгляда на жизнь. Внешним знаком-символом такого рода изменений и являются библейские эпитафьи, цитаты, взятые писателем из Священного Писания.

Подведем предварительные итоги.

Нам обзор высказываний иранских исследователей о содержании и поэтике романа «Анна Каренина» не претендует на исчерпывающую полноту. Она невозможна в силу того, что источниковедческая база, которой мы пользовались, носила ограниченный характер. В идеальной проекции следовало бы привести всю сумму высказываний о романе, сделанных с первого момента знакомства иранских читателей с текстом произведения Толстого; в таком случае общая картина, представленная в динамическом аспекте, приобрела бы концептуальную широту и завершенность, которые укладывались бы в пределы того, что именуется персидским восприятием русского эпического шедевра. Речь при этом может идти не только о работах, специально посвященных роману, но и косвенно затрагивающих его проблематику в трудах обобщенного плана, там, где говорится о Толстом, писателе и мыслителе, как таковом.

Тем не менее материал исследованных нами статей свидетельствует о том, что в иранской критике и литературоведении сложились две основные позиции о романе «Анна Каренина».

Первая позиция опирается на теорию советской филологической школы, на результаты российских толстоведческих штудий. Это и логично, и закономерно, если учесть необходимость осмысления чужого (чужого для персидского читателя) образного слова на основе тех представлений, которые вырели в недрах не родной для Ирана культуры⁴. Это суждение включает те тол-

⁴ Точно таким же способом российскому читателю надлежит осваивать тексты чужой для него литературной традиции. Было бы странно, если бы исследо-

стоведческие знания, которые для российских исследователей давно стали хрестоматийными (две линии жизни и судьбы в «Анне Карениной», авторский элемент в образе Левина, «диалектика души» и т.д.).

Вторая позиция соотносит ценностно-смысловой пласт романа с персидскими религиозно-философскими воззрениями и потому является формой адаптации романа, его «одомашнивание» в иранской аудитории. Тут мы наблюдаем два проективных звена, которые носят взаимозависимый характер: один проект представляет собой персидские типологические параллели к нравственной философии Толстого, извлеченной из «Анны Карениной», другой служит видом прочтения романа, его интерпретацию сквозь призму иранской (мусульманской) религиозно-философской мысли. Основной упор здесь поставлен на пересеченности моральных теорий.

В этом фоне следует сказать о том, как другая, западная по культурному вектору, традиция (конкретнее – английская критика и литературоведение) истолковывала толстовский роман. В английской филологической практике акцент ставился не на этико-назидательных положениях, как это было в Иране, а на проблеме выбора человеком личной судьбы и общественных правил, корректирующих его. Известно, что Дэвид Лоуренс, автор скандального романа «Любовник леди Чаттерлей», трактует «Анну Каренину», обращая внимание на то, что трагедия Анны заключалась в нарушении ею «неписаной морали – законов самой жизни», отсюда – причиной смерти героини было «грубое общественное осуждение, которое Толстой в романе изобразил как божью кару». Критик Роберт Уильямс отмечал, что «общественные обычаи, враждебные Анне, проникнуты лицемерием, но даже и в таком обществе, где развод не затруднен, где на женщин, подобных Анне, не указывают пальцем и не перестают с ними разговаривать, все-таки остается основная, вытекающая из природы человека сложность... Трагедия Анны усилена обществом, но корни этой трагедии уходят гораздо глубже...», они связаны с тем, что мужчина и женщина, создав семью, часто не могут быть удовлетворены отношениями, любовь как чувство – явление крайне зыбкое, ненадежное, переменчивое, и распад супружеских связей требует более тер-

пение творчества Омара Хайяма учитывало в первую очередь не корпус персидских работ на хайямовские темы, а – при всей их значительности – российские ориентальные труды; приоритет персидской гуманитарной науки над российской тут очевиден так же, как и в обратном, толстовском случае российской над персидской.

пимого восприятия, без ухода в разного рода крайности, но они неизбежны, как бы моралисты не призывали к обратному [5, с. 475].

Как видим, две национальные оценки романа, персидская и английская, расходятся в диаметрально противоположном направлении. Персидская точка зрения настаивает на приоритете общественных воззрений, на очерченных моралью границах, в которых женщина должна жить и развиваться. Английская ратует за свободу отношений, если они делают человека понастоящему счастливым, и укоряет общество, если оно возводит для этого искусственные границы. Английская критика подчеркивает двоедушие («лицемерие») общества, когда публично утверждается одно, а в жизни тайно совершается совсем иное.

В любом случае западные и восточные, английские и иранские прочтения романа Толстого требуют сравнительно-сопоставительного подхода: компаративизм – один из основополагающих исследовательских приемов нашего времени, эпохи глобализма. Нужно, однако, иметь в виду, что реализация компаративной стратегии в полной мере возможна в ситуации обособленного изучения национальных и культурных практик освоения классических произведений мирового уровня и значения.

Список источников

1. Бекметов Р. Ф., Казем Нежад Дахкаи Седи-ге. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в переводе на персидский язык: о стратегии Казара Симоняна // Филология и культура. Philology and culture. 2021. № 2 (64). С. 94–102.
2. Мехри А. Лев Толстой: по случаю 50-летия со дня его смерти // نىذ و امىپ (Новый вестник). 1961. Т. 3. № 4. С. 33–40 (на персидском языке).
3. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
4. Муравьев В. Н. Овладение временем: избранные философские и публицистические произведения. М.: РОССПЭН, 1998. 320 с.
5. Толстой и зарубежный мир: книга вторая // Литературное наследство: в 2 книгах. Т. 75. Кн. 2. М.: Наука, 1965. 616 с.
6. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1971. 552 с.
7. Назарли М. Д. Два мира восточной миниатюры: проблемы прагматической интерпретации сефевидской живописи. М.: Изд-во РГГУ, 2006. 286 с.
8. Толстой и зарубежный мир: книга первая // Литературное наследство: в 2 книгах. Т. 75. Кн. 1. М.: Наука, 1965. 620 с.
9. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.

10. Хасан М. М. Положительные герои в произведениях Льва Толстого (Толстой и его забота и спасении и преобразении человека) // *صفحه* (Мир литературы). 1991. № 22. С. 50–55 (на персидском языке).

11. Амин С. «Моя ежедневная порция писем»: о том, как Толстой распределял свое время и как он писал // *مآلک و مفاسلف* (Литература и языки). 1993. № 47. С. 70–71 (на персидском языке).

12. Афиин Ф. Что такое реализм? (определение значений термина) // *فروش* (Кинокритика). 1998. № 14. С. 87–95 (на персидском языке).

13. Карими М., Джан А., Яхьяпур М., Голам Али Шахи Р. Изучение повести Льва Толстого «Крестник» с точки зрения мусульманского мистицизма // *مفسلف کسمال* (И лам к уий мистицизм). 2017. Т. 13. Кн. 52. С. 13–32 (на персидском языке).

References

1. Bekmetov, R. F., Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh. (2021). *Roman L. N. Tolstogo "Anna Karenina" v perevode na persidskii yazyk: o strategii Kazara Simon'yana* [Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina" Translated into Persian: On Kazar Simonyan's Strategy]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (64), pp. 94–102. (In Russian)

2. Mekhri, A. (1961). *Lev Tolstoi: po sluchayu 50-letiya so dn'a ego smerti* [Leo Tolstoy: On the Occasion of the 50th Anniversary of His Death]. *پیام نوین* (Novyi Vestnik). T. 3. No. 4, pp. 33–40. (In Persian)

3. Mamardashvili, M. K. (2014). *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological Typology of the Path]. 1232 p. Moscow, Fond Meraba Mamardashvili. (In Russian)

4. Murav'yov, V. N. (1998). *Ovladenie vremenem: izbrannye filosofskie i publitsisticheskie proizvedeniya* [Mastering Time: Selected Philosophical and Journalistic Works]. 320 p. Moscow, ROSSPEN. (In Russian)

5. *Tolstoi i zarubezhnyi mir: kniga vtoraya* (1965) [Tolstoy and Foreign World: Book Two]. Literaturnoe

nasledstvo: v 2 knigakh. T. 75. Kn. 2. 616 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

6. Shifman, A. I. (1971). *Lev Tolstoi i Vostok* [Leo Tolstoy and Orient]. 552 p. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russian)

7. Nazarli, M. D. (2006). *Dva mira vostochnoi miniat'ury: problemy pragmaticheskoi interpretatsii sevefidskoi zhivopisi* [Two Worlds of Oriental Miniature: Problems of Pragmatic Interpretation of the Safavid Painting]. 286 p. Moscow, izd-vo RGGU. (In Russian)

8. *Tolstoi i zarubezhnyi mir: kniga pervaya* (1965) [Tolstoy and Foreign World: Book One]. Literaturnoe nasledstvo: v 2 knigakh. T. 75. Kn. 1. 620 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

9. Bakhtin, M. M. (1972). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 470 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

10. Khasan, M. M. (1991). *Polozhitel'nye geroi v proizvedeniyakh L'va Tolstogo (Tolstoi i ego zabota o spasenii i preobrazhenii cheloveka)* [Positive Characters in the Works of Leo Tolstoy (Tolstoy and His Concern about the Salvation and Regeneration of Man)]. *صفحه* (Mir literature). No. 22, pp. 50–55. (In Persian)

11. Amin, S. (1993). "Moya ezheдневnaya portsiya pisem": o tom, kak Tolstoi raspedel'al svoyo vrem'a i kak on pisal ["My Daily Portion of Letters": About How Tolstoy Distributed His Time and How He Wrote]. *فلسفه و کلام* (Literature and Languages). No. 47, pp. 70–71. (In Persian)

12. Afshin, F. (1998). *Chto takoe realism? (opredelenie znachenii termina)* [What Is Realism? (The definition of the term)]. *شرق* (Film Criticism). No. 14, pp. 87–95. (In Persian)

13. Karimi, M., Dzhan, A., Jakhjapur, M., Golam Ali Shakhi, R. (2017). *Izuchenie povesti L'va Tolstogo "Krestnik" s tochki zreniya musul'manskogo mistitsizma* [The Study of Leo Tolstoy's Story "The Godson" from the Point of View of Muslim Mysticism]. *فلسفه و کلام* (Islamic Mysticism). V. 13. Kn. 52, pp. 13–32. (In Persian)

The article was submitted on 12.02.2023

Поступила в редакцию 12.02.2023

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
Центр по изучению наследия Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

Казем Нежад Дахкаи Седиге,
Центр иранистики,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sedi_k_2012@yahoo.com

Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh,
Center of Iranian Studies,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sedi_k_2012@yahoo.com